

Мы и профессия

О Г Л Я Н И С Ъ,
НЕ ОСТАНАВЛИВАЯСЬ...

Сначала было любопытство, потом — удивление. Это, наверное, бывает со всеми, перешагнувшими впервые порог декорационного цеха Киргизского академического театра оперы и балета. Верилось и не верилось — вокруг преспокойно жила сказка. С ее заколдованным зимним лесом и спящим дворцом.

— Ну, что же, наш цех — это сказка, а мы, выходит, волшебники. — Старший художник-декоратор Г. И. Васильев улыбается. — Оно, пожалуй, верно, всемогущий огонь бессилён — здесь ему ничто не поддается. Не верите? Убедитесь попозже. Только вот декорации у нас сейчас не к сказкам. Когда оформляли балет «Чолпон» — действительно в цехе было, как в сказке. — Он умолкает и, вспомнив обещанное, быстро направляется в дальний угол.

Георгий Ильич берет из мешка белый пушистый комочек, подносит к зажженной спичке. Пламя вначале прожорливо набросилось на вату, обняло ее. Но постепенно погасло — догорела спичка. А белый комочек остался целехоньким.

— Это, конечно, не волшебство. Просто она, как и любая декорация, пропитана специальным огнезащитным раствором.

Пока я смотрела «фокус», в самом углу огромного помещения на полу растянулись сеть и женщины, склонившись, нанизывали вату на пропитанные клеем ячейки. По старому контуру на сетке угадывалось разлапистое дерево. Как потом пояснили — это обновлялась декорация к сцене дуэли в зимнем лесу Ленского и Онегина.

Два месяца девять рабочих и три художника работали над реставрацией декораций к опере «Евгений Онегин». Подгоняло время, постановку ждали зрители. Теперь почти все позади. Осталась

самая малость — вот этот дворец. На сцене он гордый и внушительный. А здесь, растянутый на полу с вбитыми по краям гвоздиками, он казался жалким.

— Ну, это пока. Вот распишем — вид будет другой.

— Георгий Ильич, — донеслось с противоположного конца, — по-моему, — пора, высох дворец.

— Сейчас посмотрим.

Мой собеседник наклоняется. Пробует рукой капители — они были ближе. И выносит решение: готово.

Мы привыкли видеть в руках художника миниатюрную кисточку: Но при ширине декорации в шестнадцать с половиной метров и однотонной росписи нужно много труда, чтобы холст ровно покрыть краской. Поэтому эти люди работали кистями, как швабрами.

— А как вы видите ошибки, допущенные в работе, ведь такое бывает?

Георгий Ильич на секунду отрывается от работы. Кладет кисть и спрашивает:

— Хотите научу? Только не надо считать это прописной истиной для каждого художника. Но я за семнадцать лет работы привык к такому. Пойдемте. Старайтесь шагать быстро.

Идем, прибавляя шаг.

— Теперь не останавливаясь, оглянитесь. Глаз должен поймать упущенное. Ну, что-нибудь не так в росписи дворца?

— Я...не знаю.

Васильев смеется, щуря серые глаза.

— Ошибок пока нет.

И все-таки мне повезло. Хотя цель визита была другая. Хотелось увидеть, как под руками художников из обычных чертежей средних размеров рождаются декорации огромной высоты, под самые своды. Повезло потому, что встретилась с людьми необычными — волшебниками дела.

Т. САМОШИНА.